

И.Ильф, Е.Петров

Сильное чувство

Водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Стасик Мархоцкий — жених

Ната Мархоцкая-Лифшиц — невеста

Лифшиц — первый муж Наты.

Рита — ее сестра.

Мама

Чуланов — молодой пижон.

Бернардов — член горкома писателей.

Мархоцкий — папа Стасика

Справченко — доктор, лечит буриданом

Гости:

Антон Павлович

Лев Николаевич

Сегедилья Марковна

Молодой человек

Девушка

Мистер Пип — прекрасно одетый иностранец.

Московская комната. Идут приготовления к свадебному пиру.
Мама и Рита хлопчут у стола.

Рита. Водки, безусловно, не хватит. Три бутылки на пятнадцать человек! Это не жизнь, мама!

Мама. Рита, ведь не все же пьют!

Рита. Именно все, мама! Бернардов пьет, Чуланов пьет, Сегедилья Марковна пьет, доктор, вероятно, тоже пьет...

Мама. А будет доктор? Мне что-то не верится. Лечить таким неприличным способом, этим ужасным буриданом...

Рита. Оставьте, мама! Теперь все это впрыскивают! Значит, доктор, очевидно, пьет. Лев Николаевич и Антон Павлович пьют, как звери. Стасик пьет...

Мама *(в ужасе)*. Стасик пьет?

Рита. Как конь!

Мама. Боже мой, Рита, что за выражение! Нет, это для меня ужасная новость — Стасик пьет! Такой приличный, нежный молодой человек!

Рита. На месте Наты я никогда не вышла бы второй раз замуж. Лифшиц гораздо лучше Стасика!

Мама. Да, но Лифшиц почти еврей, Риточка, — караим!

Рита. Надо, мама, смотреть на вещи глубже. Караим — это почти турок, турок — почти перс, перс — почти грек, грек — почти одессит, а одессит — это москвич!

Мама. Я не против греков, но у Стасика большая комната!

Рита. Все равно противно! Менять мужа из-за комнаты!

Мама. Но какая комната!

Рита. Но какой муж... Нет, водки положительно не хватит! Если я выйду замуж, то только за иностранца. Поехать с ним за границу! Так хочется еще разок пожить в буржуазном обществе, в коттедже, на берегу залива, с иностранцем!.. Кстати, иностранец, наверное, тоже пьет! Скандал! Нечего пить, нечего лопать!

Мама. Господи боже, где ты научилась таким словам?! Лопать!.. Молоденькая девушка!

Чуланов. *(вбегает, молча сует маме рыбу и тотчас же бросается к телефону. Во время разговора вынимает из кармана разные припасы и бутылки. Часть слов произносит в трубку, часть обращает к Рите)*. АТС! *(Декламирует.)* АТС своею

кровью начертал он на щите... Рита, я — гений. Бе один ноль один одиннадцать. Да, Замоскворечье. Вот баклажаны. Это кардонахи из закрытого. Алло! Можно мистера Пипа? Рита, Пип — это мировой иностранец! Только вчера приехал. Мировые свинобобы. По благу. Алло! Мистер Пи...! Что? Куда уехал? Позвольте, ведь я с ним условился... Вот это уже нахальство! *(Вешает трубку.)*

Рита. Что случилось?

Чуланов *(гробовым голосом)*. Случилось самое худшее! Мистера Пипа увели. В последнюю минуту утащили на вечеринку к Поповым. Знаете, к тем Поповым?

Рита. *(ледяным тоном)*. Значит, иностранца не будет?

Чуланов. Ей-богу...

Рита. Тогда уходите отсюда.

Чуланов. Дайте мне сказать! Сейчас не сезон, уверяю вас — не сезон! Недостаточное количество интуристов. Ей-богу, нехватка иностранцев! Скажи вы мне две недели назад, я бы вам привел сколько угодно. Тут их был целый пароход. Четыреста парламентариев. Как огурчики! Все в смокингах, блек энд уайт! А сейчас нету. Я уже ходил в «Националь», там у меня знакомый швейцар, и он тоже говорит, что нету. Лучше я вам Утесова приведу. У меня есть друг, который здорово знает Утесова. Он его уговорит. Представляете себе, что это будет? Утесов на свадьбе! *(Трусливо напевает.)* «Пока-а-а, пока-а-а... Уж ночь недалека. Пока-а...»

Рита. Пока вы не приведете иностранца, я с вами не буду разговаривать!

Чуланов. *(подумав)*. Я люблю вас, Рита!

Рита. Это что, объяснение?

Чуланов. Да.

Рита. Откладывается!

Чуланов. Но ведь это волокита, бюрократизм. Я буду жаловаться!

Рита. Кому? Купидону? Я вообще... я выйду замуж только за иностранца!

Чуланов. А я?

Рита. Вы не иностранец.

Чуланов. Что же, я, по-вашему, камаринский мужик? Если хорошо разобраться, я тоже иностранец. *(Кипитится.)* Что у меня общего с советским государством? Рассматривайте меня как представителя капиталистического общества.

Рита. Хорош представитель! Не может исполнить просьбы любимой девушки.

Чуланов. *(хватает шапку).* Для вас я готов на все! Смотрите, я приношу себя в жертву! Смейся, паяц... Иностранец будет!

Рита. А патефон?

Чуланов. Принесет Бернардов. Я сделаю все, а потом повешусь, Рита. От любви умирают. *(Уходит. В дверях.)* На мой взгляд, водки не хватит! *(Уходит.)*

Мама. Напрасно ты его так. Он вполне приличный молодой человек.

Рита. У вас все приличные... Вина достаточно, но водки, безусловно, не хватит!

Мама. Где же Ната и Стасик? Пора уже им вернуться...

Чуланов. *(входя).* Граждане, на лестнице стоит Лифшиц!

Рита. Лифшиц?

Чуланов. Да, Исачок Лифшиц, первый муж. Стоит на лестнице темный-темный.

Мама. Боже мой, только этого не хватало! Что будет? Сейчас Стасик и Ната приедут из загса, и если они столкнутся... Это ужасно!.. Какой у него вид?

Чуланов. Я же вам говорил. Стоит бледный-бледный...

Мама. Он ее убьет! *(Ломает руки.)* Он караим, все караимы ревнивы...

Рита. Ну да. Караимы почти турки, турки почти мавры, а мавры, сами знаете...

Звонок.

Чуланов. Это он!

Мама. Надо что-то сделать. Уговорите его как-нибудь.

Рита. Чуланов, дорогой, пойдите на лестницу, повлияйте на него...

Пронзительный звонок.

Чуланов. Стоит ли? Ну что я ему скажу? Ведь я не оратор, не Максим Горький...

Рита. Да-а... Вы далеко не оратор.

Чуланов *(плачущим голосом).* Если бы я был военным, тогда другое дело. Но ведь я штатский, тихий. Это дело милиции — бороться с проявлениями ревности и другими видами бытового хулиганства. *(Смотрит на Риту.)* Хорошо. Смейся, паяц! Я иду. *(Торжественно подвигается к двери.)* Прощайте! *(Сильный стук в дверь. Чуланов отскакивает назад.)*

Рита. Не открывайте дверь! *(Звонок.)* Нет, лучше откройте! Повлияйте на него.

Чуланов. Лучше вы откройте. А я на него потом повлияю.

Рита. *(презрительно).* Иностранец! *(Открывает дверь.)*

Бернардов. *(входит с патефоном).* Граждане, на лестнице стоит Лифшиц!

Мама. Почти мавр!

Бернардов *(мельком взглянув на стол).* Граждане, водки не хватит!

Рита. Подождите, что он сказал?

Бернардов. Он сказал, что пришел за Натой.

Мама. Какое нахальство! Вы объяснили ему, что Ната выходит замуж за Стасика?

Бернардов. Объяснил. Но он говорит, что плевал на это.

Рита. А вы ему что?

Бернардов. Да ничего. Я в конце концов только гость. Я ему сказал, что все-таки неудобно — свадьба. А он сказал, что еще всем покажет!

Мама. Так и сказал?

Бернардов. Так и сказал. Я уже стал побаиваться за свой патефончик.

За дверью начинается возня. Слышен все возрастающий шум борьбы и неясные голоса.

Чуланов. Ну, Риточка, я побежал за иностранцем. Спокойно, спокойно, через черный ход! *(Поспешно уходит.)*

Дверь распахивается, и в комнату влетает сначала Стасик, а потом Ната. У Наты шляпа съехала набок. Стасик слегка помят.

Стасик. Это просто какая-то западня!

Ната. *(бросается на шею маме, плачет).* Мама! Мамочка!..

Мама. Что случилось? Он тебя оскорбил?

Ната. Хуже!

Мама. Он тебя ударил?

Ната. Ах, мамочка... *(Плачет.)* Хуже!

Мама. Что же он сделал, этот негодяй?

Ната. Он меня поцеловал!

Стасик. Просто какое-то хулиганство! *(Поправляет на себе костюм.)* Жалею, что не спустил его с лестницы! Таких типов надо штрафовать!

Рита. *(Стасику)*. Ну, ничего. Я так рада, что все в конце концов обошлось благополучно, вы себе представить не можете!..

Стасик *(обиженно)*. Почему ж я не могу себе представить? Что, у меня нет воображения? Или, может быть, я идиот?

Рита. Да нет, вы меня не поняли.

Стасик. Почему ж я не понял? Значит, я дурак, по-вашему?

Рита. Вы смеетесь надо мной.

Стасик. *(обижается еще больше)*. Когда же я смеялся? Я не смеялся. Все могут подтвердить.

Рита. Ф-фу, зачем вы женились с таким нудным характером?

Стасик *(степенно)*. Я женился, чтобы отрегулировать половой вопрос.

Рита. Вот дурак. *(Отходит.)* Нет, только за иностранца. Только за иностранца!..

Входит доктор Справченко.

Ната. Здравствуйте, доктор. Как я рада!

Доктор. Что это за молодой человек стоит на лестнице?

Ната. Это наконец невыносимо!

Стасик. Он дождется, что я спущу его с лестницы.

Доктор. Ну-с, позвольте поздравить с законным...

Входят Лев Николаевич и Антон Павлович.

Лев Николаевич. Что, не будет сегодня свадьбы?

Антон Павлович. Отменяется?

Стасик. Какая чепуха!

Лев Николаевич. Мне только что сказал Лифшиц, что свадьбы не будет.

Антон Павлович. Он тут стоит на лестнице.

Стасик. Нахал и сволочь!

Лев Николаевич и Антон Павлович. Тогда разрешите поздравить... Наталья Викторовна (*чмок, чмок*). Станислав Александрович... Мамаша (*чмок, чмок*). Хорошо, что не отменили... Это вся водка? Не хватит...

Входят Сегедилья Марковна и две девушки с молодым человеком.

Сегедилья Марковна. Дорогая Наточка! (*Целуются.*) Лифшиц просил меня передать вам записку. Он тут, на лестнице. (*Здоровается с остальными гостями.*)

Стасик (*вырывает у Наты записку, читает и разрывает в клочки*). Ну, он у меня дождется, что я спущу его с лестницы.

Ната (*Стасику*). Ты не представляешь, до какой степени он меня любит.

Стасик. Почему же я не представляю? Что я, дегенерат?

Ната (*доктору*). Это верно, доктор, что вы делаете буквально чудеса?

Доктор. Буквально — нет, но вообще, так сказать, бывают разные случаи.

Ната (*утирая слезы*). Скажите, доктор, вы много зарабатываете в переводе на золото?

Доктор. В переводе на золото н-нет... но вообще...

Сегедилья Марковна. Доктор, я тоже хочу впрыскивать буридан. Мне можно?

Доктор. Вам? Вообще нет, но в общем... можно.

Бернардов. Скажите, доктор, вот я, например, член горкома писателей. Я хотел бы узнать, как впрыскивание влияет, если можно так выразиться, на специфику творчества? Улучшает ли это качество писательской продукции?

Доктор. Качество? Н-нет. Количество? Да, пожалуй.

С черного хода появляется Чуланов, останавливается у двери.

Чуланов (*таинственно*). Рита! Рита (*подходит*). Ну что, есть иностранец?

Шум на лестнице.

Чуланов. Что это?

Рита. Это Лифшиц. Ну, как иностранец?

Чуланов (*сконфужен*). Есть. Я его оставил на кухне.

Рита. Что за глупости! Это неудобно. Зовите его скорей сюда!

Чуланов. Ноя должен вас предупредить... Он, хотя и иностранец, но, знаете, не европеец...

Рита. А кто же?

Чуланов (*мнется*). Так, один дипломат. Он очень любит белых женщин.

Рита (*радостно*). Японец?

Чуланов (*запинаясь*). Японец.

Рита. Из посольства?

Чуланов. Да, в общем, из посольства. По должности приравнен к коммерческому атташе. Очень интеллигентный человек. Окончил три университета. Или четыре. Ей-богу! Два в Токио и два в Манчжоу-Го. Но у него есть одна маленькая странность. Так, чепуха — причуда дипломата. Вы, главное, не обращайтесь к нему. Он, понимаете, любит поговорить о крахмальных воротничках, о манжетах, о каких-то сорочках... Ничего не поделаешь, этикет обязывает.

Рита (*нетерпеливо*). Где он?

Чуланов. Ей-богу, Рита, я сделал все возможное! (Открывает дверь. За ней стоит, застенчиво улыбаясь, человек.)

Рита. Чуланов!

Чуланов. Что?

Рита. Это не дипломат.

Чуланов. Дипломат. Клянусь честью!

Рита. Это не японец.

Чуланов. Ей-богу, японец!

Рита. Это китаец.

Чуланов. Японец из посольства.

Рита. Китаец из прачечной.

Чуланов (*плачущим голосом*). Я же вам говорил, что сейчас не сезон!

Рита (*вытихивая Чуланова*). Уходите и без иностранца не возвращайтесь! И чтоб он был настоящий. Европейец. Париж. Понимаете? (*Напевает.*) «Су ле туа де Пари», та-ра-рам-там-там-там.

Чуланов (*понимающе*). Та-ра-рам-там-там-там...

Рита. Вот, вот, та-ра-рам.

Чуланов (*решительно*). Смейся, паяц, над разбитой... Так и быть! Пойду к Поповым на вечеринку и уведу от них Пипа.

Рита. А этот мистер Пип не какой-нибудь такой?

Чуланов. Ну, он знаете какой! Только вчера приехал из Филадельфии. А водки хватит? Смотрите. (*Уходит через черный ход.*)

Мама. Что ж, Риточка, раз нет иностранца, будем садиться за стол.

Гости рассаживаются, поднимают бокалы. Торжественная пауза.

Доктор (*собираясь произнести тост*). Ну...

Оглушительный стук в дверь. Все испуганно пригибаются, как от снаряда.

(*Ставит бокал на стол.*) Нет, так нельзя. Я пойду с ним поговорю.

Уходит. Все напряженно ждут. Доктор возвращается с чрезвычайно недовольной физиономией.

Ната. Ну, что?

Доктор (*растерянно подкручивая усы*). Да это просто мерзавец!

Садится на место. Все поднимают бокалы. Снова грохот. Гости опять пригибаются.

Лев Николаевич. Морду надо бить, вот что! Идем, Антон Павлович.

Антон Павлович (*снимает пиджак*). Не пейте без нас. Мы сейчас вернемся. Пошли, Лев Николаевич. Дадим ему дыни. (*Уходят.*)

Гости ждут в молчании. Пауза. Хлопает дверь. Полная тишина. За дверью возникает шум короткой бешеной схватки. Опять тишина. Входят, шатаясь, Антон Павлович и Лев Николаевич.

Лев Николаевич. Чего же вы его не держали?

Антон Павлович. Как я мог его держать, когда вы сами его выпустили?

Лев Николаевич. Я его выпустил? Это вы его выпустили.

Антон Павлович. Из-за вас он меня чуть не задушил. Безобразие! На площадку выйти нельзя.

Садятся за стол под равномерный стук. Очевидно, страшный Лифшиц лягает дверь ногами.

Мама. Хоть бы граммофон завести.

Бернардов заводит патефон, и пир начинается под музыку и стук.

Лев Николаевич. Советую присматривать за водкой, Антон Павлович. Ее не хватит. Так всегда бывает.

Антон Павлович (*наливает себе и Льву Николаевичу*). В таком случае не будем терять драгоценного времени. (*Громко.*) Здоровье новобрачных! (*Быстро пьет и снова наливает.*) Здоровье присутствующих!

Пьют, наливают.

Здоровье хозяйки дома!

Пьют, наливают.

За будущее потомство новобрачных!

Пьют, все это проделывают со сказочной быстротой.

Мама. Что ж это вы, господа? Мы еще и налить не успели, а вы... Так нельзя.

Лев Николаевич (*не обращая внимания, поднимает новый бокал*). За счастье человечества! Верно, Антон Павлович?

Антон Павлович. Верно, Лев Николаевич.

Пьют.

За человечество! Черт с ним!

Доктор (*косясь на гостей*). Да, я вижу, тут времени терять нельзя! (*Выпивает подряд четыре рюмки. Пятой чокается с Сегедильей Марковной.*)

Сегедилья Марковна. Доктор, я обязательно хочу впрыскивать себе и моему мужу буридан. Мне рассказывали чудеса. Одна моя знакомая дама чувствовала такой упадок сил, что последний год почти совсем не выходила из дому. И, знаете, после двух впрыскиваний буридана она совершенно преобразилась — пошла на рынок, продала пальто мужа и купила замечательные заграничные бусы.

Доктор. Да, буридан дает поразительный эффект. Приходит ко мне одна старушка, лет шестидесяти. Ну, конечно, старческая слабость, хирагра, маразм... Ну, я ей сейчас же... (*Звуками и жестами изображает впрыскивание.*) Второй раз... (*Изображает.*) А вчера встречаю на улице — бежит куда-то со всех ног хлопотать. Что такое? Лишили пенсии. Не верят, что шестьдесят лет. Говорят — двадцать. Молодость вернулась!

Сегедилья Марковна. Доктор, вы маг и волшебник! Маг и волшебник!

Девушка. Я упиваюсь этим фактом!

Доктор (*косится на Льва Николаевича и выпивает несколько рюмок подряд*). Да-а... Приходит еще одна старушка, лет восьмидесяти. Зубов нет, волос нет, ни черта нет... Ну, я ей... (*Изображает троекратное впрыскивание.*)

Девушка. Я упиваюсь этим фактом!

Входит Александр Витольдович Мархоцкий.

Доктор. Это кто ж такой?

Рита. Представьте себе, не знаю.

Доктор. А вот я ему сейчас... (*Изображает впрыскивание, пытается встать, его удерживают.*)

Стасик (*изумленно*). Папа!

Мархоцкий. Здравствуй, Станислав. С трудом нашел эту квартиру. Хорошо, что на площадке стоит какой-то милый молодой человек, он мне показал. Ну, рад видеть тебя на свободе. Здравствуйте, товарищи. (*Общий поклон.*) Где твоя молодая? Пора, пора познакомиться. Ага! (*Галантно целует руку Наты.*) Очень, очень рад. Я, знаете, несколько отвык от дамского общества. (*Знакомится с гостями.*) Мархоцкий, Мархоцкий, Мархоцкий...

Ната (*Стасику*). Ты мне даже не говорил, что у тебя есть папа. Где он живет?

Стасик. Сейчас, сейчас. (*Отводит отца в сторону.*) Как ты сюда попал, папа?

Мархоцкий. Мне дали отпуск на сегодняшний вечер. Дело в том, что мое положение значительно улучшилось и меня стимулируют различными льготами.

Стасик (*ошеломленно*). Значит, ты пришел с конвойным?

Мархоцкий. Ты ужасно отстал. Какой там конвойный! Ты даже не представляешь себе, что такое современная пенитенциарная система.

Стасик (*нудно*). Почему ж я не представляю? Что я, осел или кретин какой-нибудь? И потом — дело вовсе не в системе. О том, что ты сидишь в тюрьме, никто не знает. Что подумают Ната, гости! Наконец, ожидается иностранец. Нет, я прошу тебя уйти куда-нибудь.

Мархоцкий. Куда ж я денусь? У меня отпуск до двенадцати часов.

Стасик. Ну, походи по улицам. Тебе ж это должно быть интересно.

Мархоцкий (*печально*). Ты меня гонишь, Стась?

Стасик. Вот несчастье... Оставайся. Но очень тебя прошу — ни слова об этом печальном факте.

Мархоцкий (оживляется, бодро подходит к столу). Какая роскошная передача!

Стасик. Папа!

Мархоцкий (*садится рядом с Натой*). Какое очаровательное соседство! Отвык, совсем отвык! У нас, знаете, женский... то есть дамский корпус расположен изолированно от мужского...

Стасик. Папа!

Ната. Я не совсем понимаю. Где? Почему изолированно?

Стасик (*сухо*). Папа приехал из санатория...

Ната. Я мечтаю отдохнуть в санатории.

Бернардов. Простите, вы как устроились в санаторий, по путевке или по блату?

Мархоцкий. Как вам сказать... Видите ли, когда за мной пришли...

Стасик. Папа!

Мархоцкий (*ньет*). Да, по путевке.

Бернардов. И приличный санаторий?

Мархоцкий. Мало сказать — приличный. Иностранцы приезжают — восхищаются. Заходишь в изолятор...

Стасик. Папа!

Мархоцкий. И вы знаете, люди выходят оттуда совершенно преобразившиеся. Ну, не узнать, просто не узнать...

Ната. Прибавляют в весе?

Мархоцкий. Что? В весе? (*Пьет.*) Кто это там стучит?.. Да, в весе тоже. Но главное — это изменение психики. Культурная работа ведется громаднейшая. А какой там зубоучебный кабинет! Я вставил себе все зубы. (*Показывает.*) Времени, знаете, много, почему не вставить. На свободе никогда не успеваешь подумать о зубах, а у нас...

Стасик. Папа, я же просил...

Бернардов. Сколько стоит путевка?

Мархоцкий. Ничего не стоит, все даром. Недавно меня даже брюками стимулировали, и тоже даром. Кто это там все время стучит?

Рита. Не обращайтесь внимания!

Бернардов. Это здорово! Без копейки расходов! У вас путевка на месяц?

Мархоцкий. Милый! На три года...

Ната. Видишь, Стасик, твой папа так хорошо устроился, а ты просто шляпа!

Бернардов. Я вас прошу, устройте и меня, пожалуйста!

Гости (хором). И меня! И меня!..

Мархоцкий (польщен всеобщим вниманием). Я, конечно, сделаю все возможное, хотя я, так сказать, не главный, но как поправляющийся заключенный... то есть исправляющийся больной...

Стасик. Папа, я наконец умоляю...

Мархоцкий. У нас на прогулке...

Стасик. Папа!

Мархоцкий. Оставь меня, м-мещанин!

Сегедилья Марковна (Стасику). Вы и понятия не имеете, как далеко шагнула сейчас санаторная система.

Стасик (обижается). Почему ж я не имею понятия? Все имеют, а я один не имею. Ну, что это такое!

Телефонный звонок.

Рита (берет трубку). Это я. Везете? В такси? Слава богу! Скорее! Нет, Лифшиц не ушел. Все время ломится в ква-ртиру. Прямо не знаю, что будет. Позор. Придется с черного хода. Вот страна! *(Вешает трубку.)* Сейчас будет мистер Пип. Лев Николаевич, голубчик, Антон Павлович, доктор, Сегедилья Марковна, девочки, как вам не совестно, оставьте немного водки для мистера Пипа... Бернардов, просят же... Заведите лучше патефон. Предлагаю сейчас танцевать, а когда приедет мистер Пип, опять сядем ужинать... *(Мечтательно.)* Когда приедет мистер Пип... *(Танцует с Бернардовым. Весь последующий разговор ведется во время танца.)*

Бернардов. Не понимаю, почему девушкам так нравятся иностранцы?

Рита (напевая). Когда приедет мистер Пип...

Бернардов. Меня этот Пип интересует, поскольку я хочу купить у него по дешевке костюм. Знаете, я так морально устал без костюма...

Рита. Вы прибедняетесь, Бернардов. Этот на вас тоже хороший. Сколько вы заплатили за него в переводе на золото?

Бернардов. В переводе не знаю. Я купил его в распределителе водников за шестьдесят пять рублей.

Рита. Разве вы водник?

Бернардов. Нет, я не водник. Я состою в горкоме писателей.

Рита. Вы писатель?

Бернардов. Нет, я не писатель. Я только обедаю в писательской столовой, а вообще я числюсь по Энкапээсу.

Рита. Ах, вы железнодорожник?

Бернардов. Нет, я не железнодорожник, я только получаю там бесплатный проезд по железным дорогам. А вообще-то я ближе всего к пожарному делу.

Рита. Вы тушите пожары?

Бернардов. Нет, я только получаю там молоко. Видите ли, пожарная профессия очень вредная для здоровья, и там выдают молоко. Так устаешь каждый день ездить с бидонами за этим молоком в Сущевскую часть... Честное слово, буду требовать, чтобы меня перевели в центр, в Кропоткинское депо.

Рита. Я вам сочувствую, каждый день в трамвае...

Бернардов. Как раз трамвай — это не страшно. Я езжу на передней площадке как член Моссовета.

Рита. Ах, вы член Моссовета?

Бернардов. Нет, я не член Моссовета, я только езжу как член Моссовета. Но, конечно, и это ужасно утомляет. И если бы не отдых в санатории Совнаркома, я совсем бы выбился из сил.

Рита. Вы член правительства?

Бернардов. Да нет, я не член правительства. Я же вам объяснил. Я член горкома писателей по разряду гениев с правом бесплатно лечить зубы.

Рита. Значит, вы все-таки писатель?

Бернардов. Да ничего подобного! Полчаса вам объясняю, и вы не можете понять...

Внезапно грохот усиливается.

Стасик. Это все из-за тебя. Этот кошмарный стук срывает нам свадьбу.

Ната. Чем я виновата, что он меня так любит?

Девушка. Я упиваюсь таким фактом!

Рита. Нужно вступить с ним в переговоры. Бернардов, пойдите и спросите, что он наконец хочет.

Бернардов уходит. Все столпились у дверей и ждут. Стук, прекращается. Входит.

Бернардов. Он говорит, чтобы Стасик немедленно убрался отсюда к черту.

Стасик. Он, кажется, дождется того, что я спущу его с лестницы!

Мама. Скажите ему, что мы вызовем милицию.

Бернардов (*уходит и возвращается*). Он говорит, что никакая милиция в мире не помешает ему любить Нату... то есть вас, Наталья Викторовна.

Ната (*польщена*). Скажите пожалуйста.

Стасик. Вот видишь, что ты наделала своей дурацкой красотой! Сознайся, что это тебе нравится?

Ната. Убирайтесь вы все!

Стасик (*Бернардову*). Скажите ему, что я сейчас сброшу его с лестницы!

Бернардов (*уходит и сию же секунду появляется в дверях с отчаянным криком*). Лифшиц прорвался!..

Общество издает вопль. Дамы со Стасиком отскакивают от двери. Мужчины бросаются на помощь Бернардову. Они наваливаются на Лифшица так, что зрители не успевают даже его заметить. Из человеческих тел образуется шар, катающийся по сцене. Наконец шар выкатывается за дверь. Крики: «Держите дверь! Не пускайте! Палец! Палец!» С черного хода входит Чуланов, таща под руку мистера Пипа.

Чуланов. Рита, вот он. Что я претерпел! Видите, мадам Попова маникюром по щеке. Это когда я его уже тащил по лестнице. Ну, ничего, я ей тоже ногой... Рита, познакомьтесь, пожалуйста, мистер Пип.

Рита. Гав-дью-ду, мистер... (*Запинается.*)

Чуланов. Не беспокойтесь, не беспокойтесь. Он прекрасно говорит по-русски. Говорите, мистер Пип.

Пип. Здравствуйте, барышня.

Из передней, тяжело дыша, возвращаются мужчины.

Эти люди перетаскивали рояль?

Рита. Разрешите вам представить — мистер Пип, европеец.

Знакомство.

Чуланов (*сияет*). Ну как? Настоящий? А? «Су ле туа де Пари», та-ра-рам-там-там-там...

Рита (*благодарно*). Настоящий. Та-ра-рам-там-там-там...

Чуланов. Вот, вот, та-ра-рам. А как будет со мной? Я же вас люблю.

Рита. Потом, потом.

Все грубо рассматривают иностранца, который вертится и застенчиво улыбается.

Бернардов (щупает костюм гостя). Настоящая полушерсть!

Девушка. Скажите, какая погода сейчас за границей?

Сегедилья Марковна. Познакомьтесь с доктором.

Доктор, пошатываясь, кланяется и производит звук, изображающий впрыскивание.

Рита. Граждане, товарищи... (*Легонько отстраняет гостей.*)

Бернардов. Скажите, мистер Пип, вы не продадите мне свой костюм?

Рита берет Пипа под руку и отводит его в сторону. За ними идут все гости во главе с Чулановым. Лев Николаевич и Антон Павлович дремлют за столом.

Рита. Ю спик инглиш?

Чуланов. О чем вы его спрашиваете? Слава богу, не тульский мужик. Конечно, говорит по-английски. И по-русски говорит.

Бернардов. А галстук вы не продадите? Если б вы мне продали костюм, то этот галстук как раз к нему подошел бы.

Рита (*пытается увести иностранца*). Мне так давно хотелось поговорить с человеком европейской культуры.

Ната (*берет Пипа под другую руку. Кокетливо*). Отчего вы такой грустный?

Бернардов (*перебивает*). Если б вы мне продали ваши ботинки, они бы чудно подошли к этому костюму и галстуку. Продайте!

Чуланов. Не напирайте на человека все сразу. Он даже ответить не успевает. Что вам нужно, Сегедилья Марковна? Румбу? Уже не танцуют. Это он мне еще в такси сказал. Дальше?

Мархоцкий. Скажите, как у вас там, на Западе, пенитенциарная система?

Чуланов. Это неинтересно. Дальше!

Голоса. Спросите его... А пусть он скажет... Как насчет...

Общий шум.

Чуланов. Подождите! Подождите! Зачем он приехал? Сейчас спрошу. Ваши новые друзья, мистер Пип, хотят узнать, что вы собираетесь у нас делать?

Пип. Я приехал сюда искать работу, джентльмены.

Рита. Что? Что он сказал, Чуланов?

Пип. Я не имею на жизнь, джентльмены... *(Улыбается.)* Но я вижу, что я имею много хороших друзей...

Бернардов *(отходит к столу).* Явно отрицательный тип.

Чуланов поспешно отходит к столу. За ним гонится Рита.

Рита. Я вам этого никогда не прощу!

Чуланов. Что я могу сделать, Риточка? Дитя кризиса. Ну, кризис, понимаете — мировой кризис. Я не виноват. Еще Маркс говорил, что так будет. Марксу вы наконец верите?

Рита *(подавленная аргументами).* Все равно вы свинья.

Гости беспеременно покидают Пипа и садятся за стол. Пип остается один в стороне.

Мархоцкий *(наливает).* Что за чепуха! Давайте лучше выпьем за пенитенциарную...

Стасик. Папа!

Мархоцкий. Молчи, щенок!

Доктор. *(пьет).* Темное это дело — буридан. Абсолютно темное. Никто не вылечивается. Наоборот, умирают!

Сегедилья Марковна. Доктор, что вы?

Доктор. *(передразнивает).* Что я! Что я! Бросьте вы эти цуцели-муцели... Маг и волшебник... Шарлатан я. Шар-ла-тан! Не нравится? А мне, вы думаете, нравится?

Пип подходит к столу, хочет сесть, но все места заняты. Он даже пытается раздвинуть чьи-то плечи, но это ему не удается.

Пип. *(улыбаясь).* Тут, кажется, свадьба? *(Молчание. Гости пируют.)* Там кто-то стучит. *(Молчание.)* Там очень сильно стучат. Нужно открыть.

Бернардов. Слушайте, Пип, не путайтесь вы, пожалуйста, под ногами!

Пип ошеломленно улыбается и отходит в сторону.

Мархоцкий (*держит речь*). В конце концов, Стасик, это хорошо, что ты женился. Через месяц я выйду из тюрьмы...

Стасик. Папа! Это наконец черт знает что...

Мархоцкий. Не мешай! Будем жить все вместе... Я буду нянчить внучат...

Ната. Что он говорит? Какая тюрьма? Кого нянчить? Он будет жить вместе с нами? В одной комнате?

Стасик. Успокойся, Ната. Это... это недоразумение! Папа, я прошу вас немедленно отсюда уйти.

Мархоцкий. Что? С кем ты говоришь, болван?

Стасик. (*вне себя*). Папа, вон отсюда!

Мархоцкий (*встает, шатается*). Скорей, Скорей! Вон из этого ада! Назад, в тюрьму! (*Бежит к выходу, за ним молча устремляется мистер Пип.*)

Ната. Ты от меня все это скрыл!..

Стасик. Какие мелочи, Наточка...

Ната. Ты даже не представляешь себе, какой ты негодяй!..

Стасик. Почему я не представляю? Что, у меня нет воображения?

Ната (*решительно*). Зовите Лифшица!

Чуланов выбегает. Открывается дверь, наступает триумф Лифшица. Он идет, маленький, хилый, с бледным одухотворенным лицом. Гости выстроились шпалерами.

Лев Николаевич (*просыпается, кричит*). Горько!

Лифшиц и Ната целуются. Чуланов воровато целует Риту. Общий шум.

Антон Павлович. (*просыпаясь*). Горько! За великое чувство любви! Ура!

Мама. Вот говорили — водки не хватит, а все перепились!..

Занавес

Сильное чувство. — Впервые опубликован в журнале «30 дней», 1933, № 5.

Современная критика отмечала черты сходства водевиля «Сильное чувство» с водевилем А.П. Чехова «Свадьба».

«Водевиле «Сильное чувство» — вариант чеховской «Свадьбы», в котором роль генерала играет иностранец» (А.Роскин, «Мастера фельетона», «Художественная литература», 1935, № 8, стр. 7).

В «Сильном чувстве» Ильф и Петров вновь обращаются к теме сатирического разоблачения мещан и обывателей, низкопоклонствующих перед всем иностранным. Классический образ Элочки Щукиной, возникший в романе «Двенадцать стульев», был первым в целой галерее молодых «людоедов», подобных Рите и Чуланову, которых сатирики не раз обличали в своих произведениях: Ильф в фельетоне «Молодые дамы» (1929), Петров — в фельетоне «День мадам Белополякиной» (1929), вместе они в повести «Светлая личность» (1928), где появляется семейство Браков, которое, как и «общество» из водевиля «Сильное чувство», умело «жить и веселиться по-заграничному», а за чайным столом говорить о новой заграничной моде «пудриться не пудрой, а тальком».